

ПЕРЕВОДЫ ВААНА ТЕРЬЯНА ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. О. МЕЛИКЯН

В конце XIX и начале XX вв. в армянской общественной жизни особенно повысился интерес к культуре и литературе русского народа. Ваан Терьян не мог остаться в стороне от этого общественного движения и закономерного увлечения культурой и литературой народа, с которым связан был неразрывными узами.

Ваан Терьян относится к числу авторов, которые, прекрасно владея армянским и русским языками, своими переводами пропагандировали русскую культуру в Армении и армянскую культуру в России. В годы первой мировой войны, когда армянскому народу грозило физическое уничтожение, Терьян сделал все возможное для утверждения идей гуманизма и дружбы народов. Используя такие могучие средства, как печать и литературу, он вместе с М. Горьким и В. Брюсовым проделал огромную работу по переводу произведений армянской литературы на русский язык. Это имело тогда принципиально важное политическое значение. Необходимо было духовное сближение народов, интеллектуальное взаимопонимание для того, чтобы противопоставить человечность политике человеконенавистничества. Вместе с тем Терьян придавал большое значение переводам на армянский язык, стремясь сделать достоянием армянских читателей сокровища мировой и русской литературы. «Переводная литература расширит кругозор читателя, усилит его любовь к книге, разовьет в нем вкус»¹.

Терьян в своей статье «Много слов, мало дел» указывал на влияние переводческой литературы на развитие национальных литератур, считая, что «наибольшим залогом развития нашей литературы будет развитие у нас переводческой литературы»². Знакомство с мировой литературой Терьян считал необходимым начать с русской. «Армянский читатель,— утверждал он,— должен иметь в своей библиотеке все произведения русских писателей на армянском языке — и Гоголя, и Пушкина, и Толстого, и Чехова,— хотя бы сборники их избранных произведений»³. Эти слова свидетельствуют о том, какое значение придавал Терьян переводам на армянский язык классиков русской литературы.

Переводами литературы занималось и Кавказское армянское издательское товарищество. Критикуя план его изданий, Терьян отмечал, что переводческой деятельностью заняты совершенно случайные люди и отсюда случайный характер выбора произведений для переводов. В начертанной Терьяном программе издания переводов особое место уделяется Толстому. Во время самого мрачного разгула царской реакции и цензурных преследований Терьян настаивал на переводах произведений Толстого, их публикации и популяризации: «Лев Толстой — это такой писатель, произведения которого если не в виде полного собрания сочинений, то хотя бы в виде собрания, по возможности наиболее полного, должен иметь каждый народ, если он хочет называться культурным»⁴. Преклоняясь перед гением Толстого, исключительно высоко ценя его, Терьян считал, что «мы должны иметь собрание сочинений Л. Толстого на армянском языке, это необходимость»⁵.

¹ В. Терьян, Собрание сочинений (на арм. яз.), т. II, Айпетрат, Ереван, 1961, стр. 222.

² Там же.

³ Там же, стр. 221.

⁴ Там же, стр. 220.

⁵ Там же.

Изучение архивных материалов, в которых сохранились образцы переводов, не опубликованных при жизни поэта, свидетельствует о его строгом подходе к ним и помогает нам раскрыть еще одну сторону его творчества, его переводческую деятельность. С этой точки зрения особенно большой интерес представляет участие Терьяна в организации литературно-художественного альманаха «Гарун», в создании горьковского «Сборника армянской литературы» и брюсовской антологии «Поэзия Армении». Альманах «Гарун» должен был представить читателям новинки армянской литературы. Редакцию альманаха составила группа студентов под руководством поэта А. Цатурьяна и преподавателя Лазаревского института К. Кусикьяна. Из переписки Терьяна с друзьями перед нами встает картина постепенного вовлечения все новых и новых сил в авторский коллектив альманаха. В 1910 г. вышла из печати первая книга альманаха «Гарун». В альманахе сотрудничали также лучшие представители армянской литературы, такие, как Ав. Исаакян, А. Цатурьян, А. Ширванзаде, Д. Демирчян, Ш. Кургиян и др. В художественном оформлении участвовали Мартирос Сарьян и Вардкес Суренян. С большим увлечением занимался Терьян издательской деятельностью, и планы его все более и более расширялись. Из письма Терьяна Ц. Ханзадянну от 13 апреля 1910 г. мы узнаем, что он намеревается организовать издательство этого альманаха: «Главная цель,— пишет он,— перевод русской литературы»⁶.

Уже из следующих писем Терьяна мы узнаем, что, помимо того, что они предполагали издать ряд книг в серии «Библиотека «Гаруна», «намерены, между прочим, издать и «Гарун» — переводческий»⁷.

Материальные затруднения вынуждают для печатания альманаха обратиться то в одно, то в другое издательство. И в конце концов, несмотря на ограниченные средства, вместе с П. Макинцяном, Терьян организует издательство «Пантеон», в котором и выходит «Гарун» — переводческий.

В письме от 9 ноября 1911 г. Терьян пишет Ц. Ханзадянну, что предполагалось первым долгом обратиться к переводу произведений Лермонтова. «Эти дни пошлем в газеты объявление, в котором попросим всех армянских авторов, которые когда-либо переводили Лермонтова, прислать нам свои переводы, чтоб использовать их при издании двухтомника Лермонтова...»⁸.

Не ограничиваясь объявлением, помещенным в газете «Оризон», Терьян и Макинцяны обращаются лично к ряду писателей с аналогичной просьбой. Письма Терьяна 1912—1913 гг. полны забот о всевозможных средствах, изыскиваемых для издательства «Пантеон», привлечения ряда армянских писателей к переводу произведений Лермонтова.

Издание переводов все затягивалось, и, к сожалению, собрание сочинений Лермонтова так и не увидело света, так как издательство из-за войны оказалось в катастрофическом положении. Однако Терьян не забывает задуманных переводов и в 1917 г. в письме к А. Исаакяну сообщает: «Мы (я, Погос и Карен: Микаелян) решили продолжить издание переводных книг: для этого у нас есть 10 000 рублей, которые отдал Микаелян. Несомненно, ты будешь самым почетным сотрудником, если только пожелаешь»⁹.

В числе книг, намеченных ими к изданию, были «Война и мир» Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского, сочинения Чехова, Горького. Даже будучи в очень тяжелом состоянии и находясь на излечении в Сухуме, Терьян постоянно в письмах делится своими замыслами относительно переводов. В письме к К. Микаеляну Терьян пишет о переводе «Войны и мира»: «Переводим первый том — я, второй том — Зорьян, третий том — Деренник (Демирчян.— С. М.), четвертый том — Хондкарян (Аршам). На перевод дал всем время три с половиной месяца»¹⁰.

⁶ Там же, т. III, 1963, стр. 220.

⁷ Там же, стр. 235.

⁸ Там же, стр. 246.

⁹ Там же, стр. 469.

¹⁰ Цит. по книге: С. Сукиасян, Страницы из жизни Ваана Терьяна. Айпетрат, Ереван, 1959, стр. 280.

Что переводил Терьян из Горького, — нам осталось неизвестным, но об этом он упоминает еще раз в письме к К. Микаеляну от 1917 г. «Писал тебе о переводах Толстого и Горького, просил Дереника послать аванс и сдать мои переводы, но ты нем, как камень. Я уже около ста страниц перевел, Зорьян также, а от Аршама и Дереника пока известий не имею»¹¹. Война помешала изданию «Войны и мира», как и многим другим планам.

Терьян живо интересовался и увлекался современностью. В русской литературе начала века была очень сложная и пестрая картина. На поверхности литературной жизни царствовали декаденты, символисты, акменсты, футуристы, они заполняли модные салоны, кабаки, редакции, лилось поэтическое вино, опьяняя аллитерациями и эсхатологическими идеями. В это же время продолжалось развитие русского критического реализма. Была чеховская «Чайка» с вечным вопросом о смысле жизни и роли искусства. Был Лев Толстой, восклицавший «Не могу молчать!», были Бунин и Куприн, начинал свою деятельность Алексей Толстой. И в эти годы происходило становление социалистического реализма, это была эпоха Горького, эпоха пролетарской поэзии, которой принадлежало будущее. Все эти явления современности Терьян стремился довести до армянского читателя. Естественно, что он не мог пройти мимо такого явления, как символизм.

Терьян был одним из первых переводчиков произведений Брюсова на армянский язык. Мысль ознакомить армянских читателей с лучшими образцами новейшей русской поэзии созрела у Терьяна в начале 1910-х годов. Начал он с переводов стихотворений Брюсова. В 1912 г. в «Ушараре» были опубликованы два перевода из Брюсова: «Быть без людей» и «Грустный вечер». Перевод десяти стихотворений, в том числе и опубликованных ранее, в 1913 г. Терьян посылает в Венецию для помещения в журнале «Гезарвест». К переводам было приложено фото Брюсова и краткое предисловие. В пятом номере журнала были напечатаны восемь переводов, кроме двух опубликованных ранее в «Ушараре».

По стихотворениям Брюсова, отобранным Терьяном для перевода, мы можем судить о том, что из его поэзии было близко армянскому поэту и что он считал наиболее типичным для творчества Брюсова. Ведь этими переводами он хотел ознакомить армянского читателя с наиболее характерными, с его точки зрения, произведениями русского поэта.

Помимо этих десяти стихотворений, Терьян подготовил еще и другие переводы из Брюсова. В письме редактору «Ушарара» А. Вруйру от 18 октября 1912 г. говорится: «Посылаю также два перевода из Валерия Брюсова для ближайших номеров «Ушарара»¹². Дальнейшие номера «Ушарара» более не вышли, и судьба переводов неизвестна. В личном архиве поэта сохранилась рукопись одного из его неопубликованных (при его жизни) переводов, черновой набросок перевода стихотворения «К Арарату». Написанное Брюсовым в 1916 г. стихотворение это свидетельствует о том, что Терьян опять обращался к поэзии Брюсова в 1916 г., а может позднее.

Стремясь по возможности шире представить творчество «главы новейшей школы русской поэзии», Терьян вдумчиво и внимательно отбирал стихи для переводов. Они были из разных циклов: «В городе», «Вечеровые песни», «Мгновения», «Элегии и буколики» из книги «Все напевы», циклов «Думы», «Вступление» из книги «Urbi et orbi».

В своей поэзии Брюсов отдал дань урбанистическим мотивам. Город как знамение века волнует и Терьяна. И если в раннем стихотворении («В весеннем городе») город у него только фон для показа пробуждающейся жизни и природы, впоследствии он рисует жизнь капиталистического города с его противоречиями и контрастами (сонет «Петербург»). Сонет этот перекликается с стихотворением Брюсова «Городу». Переводя его, Терьян сохраняет восьмисложную строфу Брюсова, стараясь найти адекватные средства выразительности. Терьян для передачи неологизмов, введенных Брюсовым в

¹¹ Там же, стр. 280—281.

¹² В. Терьян, Собрание сочинений, т. III, стр. 235.

стихотворение, вводит в текст слова, которые до того им не употреблялись в поэтической речи; такие, например, как «գաղ», «սաղարի», «գարգարահի» и т. п.

У Брюсова в стихотворении «Побег» в строфе чередуются девятисложная и восьмисложная строки. Терьяну при переводе удается в некоторых строфах большей частью сохранить это чередование строк, но чаще у него вся строфа идет девятисложная. Он сумел в основном очень тонко воспроизвести оригинал, но иногда у него появляется поэтический образ, введенный при переводе. Так, в 5-й строфе 1—2 строки:

«В последний раз взглянул я выше
В мое высокое окно».

Терьян переводит:

«Եւ նախքի հիս պատուհանի
Իւրաքանչեւից արե լայն ու համակ».

Стихотворение Брюсова «Zepni de vivre» несомненно было знакомо Терьяну гораздо раньше, нежели он начал его переводить. Написано оно было в 1902 г., и само название его «Скука жизни» раскрывает как нельзя лучше подтекст. Брюсов, призывая в нем «упасть, и умереть, и утонуть во мраке», мечтает: «О если б все забыть, быть вольным одиноким». Выбор этого произведения Терьяном понятен, так как для первого периода творчества его также были характерны пессимистические настроения, призывающие к уходу от реальной действительности. Терьяну созвучны были вышеприведенные строки, и в 1908 г. он также писал:

«Позабыть, позабыть... Обо всем, обо всех позабыть.
Не желать, не жалеть, отойти, не любить».

Указанное стихотворение Брюсова является одним из трудных для перевода по своему ритмически-интонационному характеру. Но Терьяну удалось мастерски воспроизвести его на армянском языке, найдя адекватные средства выразительности. Для перевода Терьяна характерны повторы, которые являются акцентирующими приемами. Так, в 29-й строке «изнемогая от усилий» Терьян переводит: «Եւ ուժանալի, ուժանալի. հոգնարեկ ու հոգնատանջ» и т. д. Стихотворение Брюсова «Быть без людей», в котором звучат те же мотивы, Терьян перевел несколько вольно.

При переводе стихотворения «Грустный вечер» Терьян пропустил пятое двусложие. Терьяну не только удалось сохранить размер оригинала, воспроизвести текст с его поэтическими оттенками, но и сохранить фонетическое звучание. Приведем первые строки стихотворения:

«Грустный сумрак, грустный ветер, шелесты в дубах.
Вспоминает вечер о далеких снах».

«Տխուր խափար, տխուր քամի, ծառերի շշուկ:
Երկուն իր հեռավոր երանի է հիշում...».

Говоря о переводе стихотворения «Одиночество», необходимо подчеркнуть сложность его ритмического рисунка для перевода. Оригина́л написан пятистопным 15-ти-сложным анапестом. Терьян же перевел шестистопным 18-тисложным анапестом. При переводе ему удалось дать на армянском языке лирические оттенки, поэтические образы оригинала. Введенные Терьяном повторы служат как для акцентирования, так и для замены архаизмов.

При переводе «Колыбельной песни» Терьяну удастся полностью сохранить размер оригинала. Интересным является ввод Терьяном элементов фольклора, выражений, которые придают стиху армянский песенный характер. Переводу они придают некоторые оттенки армянской колыбельной песни. Так, например: «Նանիկ է, որոր նանիկ», «նիր-հում էս, որոր, նանիկ» и т. д.

Мы не будем подробно останавливаться на переводах «Блудного сына», «Часа воспоминаний», «Благословения». Отметим лишь, что переводы эти по своим интонациям и настроением близки оригиналу. Терьян удачно воспроизводит метафоры, эпитеты.

Сохранившаяся в архиве Терьяна рукопись незавершенного перевода «К Арарату»¹³ позволяет нам ознакомиться с творческой лабораторией переводчика. Терьян шлифует найденное слово, фразу, строку, допуская иногда свободную интерпретацию.

Переводы из Брюсова свидетельствуют о том, что Терьян немало внимания уделял интонационно-ритмическому строю, поискам звуковых и поэтических образцов и красок, удачно передающих оригинал. Благодаря утонченному слогу и чистому литературному языку, найденным средствам выразительности Терьяну удалось с наибольшей полнотой передать обаяние оригинала. Хотя Брюсова впоследствии много переводили, но переводы Терьяна остаются непревзойденными, так как ему удалось передать на армянском языке все тончайшие, порою неуловимые оттенки, характерные для поэзии Брюсова.

Помимо поэзии Брюсова, Терьян был намерен ознакомить армянского читателя с типичным представителем русского символизма Ф. Сологубом. В архиве Терьяна сохранились переводы и черновые наброски десяти стихотворений Сологуба¹⁴. Трудно определить, к какому времени они относятся, так как не датированы. Ряд фактов приводит к предположению, что он переводил их в 1914—1915 гг.

Впервые Терьян упоминает о Сологубе в своей публичной лекции «Грядущий день армянской литературы», прочитанной им в 1914 г. Эта лекция подтверждает особый интерес Терьяна к творчеству Сологуба. О его доскональном знакомстве с творчеством русского поэта свидетельствует также сохранившийся в архиве Терьяна и переписанный его рукой отрывок одной из статей Сологуба¹⁵, опубликованной в № 2 «Заветов» за 1914 г. Терьян выписал интересующие его мысли о назначении искусства.

Переводы Терьяна из Сологуба впервые упоминаются в письме Брюсова Ф. Сологубу от 10 сентября 1915 г. Брюсов пишет ему о том, что Терьян переводил его стихи на армянский язык.

Просматривая книги Терьяна из его личной библиотеки, мы в первом томе собрания сочинений Ф. Сологуба обнаружили листок, на котором рукою поэта были написаны заглавия стихотворений, которые поэт, по всей вероятности, намерен был перевести. Это был перечень шестнадцати стихотворений из первого тома Сологуба. Четыре из них — «Отвори свою дверь», «Просыпаюсь рано», «На Ойле далекой и прекрасной», «Звезда Маири сияет надо мной» — Терьян перевел. В книге отмечены стихи, которые ему, вероятно, нравились. Но перевел он всего лишь десять стихотворений.

Сохранившиеся переводы из Сологуба, напечатанные после смерти поэта, — это черновые наброски, носящие на себе след творческих исканий. При переводе стихотворения «Звезда Маири сияет надо мной» Терьян во имя сохранения ритма допустил ряд пропусков. В рукописи приводятся три варианта 4-й строфы.

В архиве сохранилось несколько вариантов перевода стихотворения «Отвори свою дверь», свидетельствующие о большой работе Терьяна над строкой. Отметим, что последний вариант его может считаться завершенным, так как Терьян верно передал в нем оригинал, сумев воспроизвести его на армянском языке.

Сохранились два незавершенных варианта перевода «Простой песенки». Разночтения эти интересны, поскольку показывают нам, как требователен был Терьян к переводам. Но в ряде случаев он несколько отклоняется от оригинала, вводя иной поэтический образ. Так, в 3-й и 4-й строке первой строфы мы читаем:

«Светик убитый,
Светик убитый лежит».

¹³ Музей литературы и искусства Министерства культуры Арм. ССР, ф. Терьяна, д. 71.

¹⁴ Там же, д. 83.

¹⁵ Там же, д. 112.

Терьян же переводит:

«Թե՛կեց զլուրդ,
Թե՛կեց զլուրդ անտը ու հեզ».

В стихотворении «Просыпаюсь рано» Терьян очень удачно воспроизвел как ритм, так и интонацию оригинала. Только две-три пометы говорят о том, что Терьян перевод окончательно не отшлифовал. Но выполнен он настолько удачно, что его можно отнести к числу завершенных художественных переводов. Незначительные «вольности» в тексте Терьян допускает с целью сохранения ритмического рисунка, что отнюдь не искажает смысла оригинала. Терьян находит адекватные средства выразительности на армянском языке, и благодаря им армянский текст не теряет своей колоритности.

В первом варианте стихотворения «Томленья злого» Терьян не перевел последние три строки; второй вариант, хоть и полный, также несет на себе следы поисков строки, наиболее близкой подлиннику. Интересно, что и первый и второй варианты соответствуют по размеру русскому оригиналу, несмотря на то, что представлены совершенно разными поэтическими образами. Первые строки:

«Томленья злого
На сердце тень»

Терьян переводит вначале:

«Վտի սև միտեն է
Արտիս վրա».

отдавая затем явное преимущество следующему переводу:

«Յալի օտը բեն է
Արտիս վրա».

В стихотворении «На Ойле далекой и прекрасной» Терьяну удастся сохранить образы Сологуба, найдя соответствующие слова и понятия, но десятисложные строки оригинала, как, например, «На Ойле далекой и прекрасной», он переводит одиннадцатисложной «*«Ոյլ հեղրու՛մ հեռա՛վոր ու գյու՛րեղան»*».

Перевод «Тихой колыбельной» также не завершен. Переведены из шести куплетов всего три. Три варианта этого перевода представляют, конечно, интерес, поскольку мы видим, как, изменив первоначально найденные строки, Терьян ищет все новые и новые соответствия. Если в первом варианте Терьян несколько удлинил строку и семисложный русский стих передает восьмисложной строкой, то в следующих вариантах он укорачивает строку, доводя ее до размера оригинала.

Рассматривая переводы из Брюсова, мы располагали уже завершенными произведениями, ставшими неотъемлемой частью творчества Терьяна. Переводы же из Сологуба, сохранившиеся в рукописях, прекрасно раскрывают лабораторию поэта, его стремление найти в армянском языке смысловую и лексическую адекватность оригиналу, попытку максимально сохранить его ритмику. При переводе архаизмов, усложненных образов, столь характерных для языка символистов, Терьян передает их современным словарем, что лишь придает естественное звучание стиху на армянском языке.

Переводы Терьяна из Леонида Андреева постигла неизвестная судьба. Между тем Терьян очень интересовался творчеством Андреева и хотел видеть его произведения на армянском языке. В январе 1907 г. Терьян писал своему другу О. Оганджяну о том, что собирается прислать ему через тюремную инспекцию несколько книг, между прочим — рассказы Л. Андреева для перевода. «Они мне страшно нравятся, — писал Терьян, — и хотел бы, чтоб были переведены. Я тоже хочу перевести его рассказа два, так что напиши, что ты будешь переводить. Я намеревался перевести рассказы «Смех» и «Ложь», тебе предлагаю перевести «Бездну» и «Стену», а впрочем, выбирай сам»¹⁶.

¹⁶ В. Терьян, Собрание сочинений, т. III, стр. 158—159.

Перевел ли он что-нибудь из Л. Андреева или нет, до сих пор неизвестно, так как не сохранилось ничего, говорящего об этих переводах.

В архиве поэта сохранился и незавершенный перевод одной из газелл Вячеслава Иванова «Всем Армения богата, Роза!» из книги «Cor ardens». Выбор Терьяна объясняется как интересом к лирическому жанру — газелле, так и интересом к творчеству поэта. Время работы над переводом, к сожалению, неизвестно. Перевод этот — незавершенный черновой вариант, носящий на себе след творческих исканий поэта. Мы не можем утверждать, что это последний вариант перевода, зная о взыскательности Терьяна-переводчика. Тем не менее, даже будучи неотшлифованным, он позволяет нам судить о его художественных достоинствах:

«Всем Армения богата, Роза!
Но пышней тина и злата Роза».

«Երբեքս ի Լ նիս Թրմեհան. փաղ.
Բայց դու քաղ ու ուկուց փաղրամ փաղ».

Значение русской культуры для Терьяна не ограничивалось кругом русских авторов. Несмотря на то, что большинство произведений мировой литературы переводилось на армянский язык непосредственно с оригиналов, нередко тот или иной представитель западной или восточной литературы становился известен русскому читателю, после чего он уже переходил в обиход армянского читателя, становясь достоянием армянской культуры. Показательна, с этой точки зрения, история перевода Терьяном стихотворения Эмиля Верхарна «Голова» и четверостишия из книги Рабиндраната Тагора «Садовник» (33-й поэмы). Произведения эти стали доступны армянскому читателю посредством русских переводов.

Переводы Терьяна свидетельствуют о том, что он видел цель и назначение своей жизни в обогащении армянской литературы сокровищами мировой культуры, и вместе с тем в доведении до широких кругов русских, а через русскую литературу европейских читателей многовековой и большой культуры и литературы армянского народа. Поэтому переводческая деятельность Терьяна имеет не только художественное значение, но и глубокий исторический смысл; она раскрывает яркую страницу в творческой биографии поэта.